

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*Н.Н. ЗАРУБИНА***Повседневность в контексте
социокультурных трансформаций
русского общества***

В статье исследуются ценности повседневности и Дома в русской культуре. Указывается на неустойчивость сферы повседневности в условиях реформ, модернизации и глобализации. Она превращается в область риска и дискомфорта. Для усвоения глобальных стандартов необходимо адаптировать их к сфере повседневности в разных районах мира.

Ключевые слова: повседневность, модернизация, глобализация, общество массового потребления.

In article values of everyday life and House in Russian culture are studied. Reforms, modernization and globalization provide instability of sphere of everyday life. It turns to risk and discomfort sphere. For mastering of global standards it is necessary to adapt them for everyday life sphere in different areas of the world.

Keywords: everyday life, modernization, globalization, society of mass consumption.

80-летию Бориса Сергеевича
Ерасова посвящается.

Кто из жителей СССР, а затем России, приезжая на Запад, не испытывал противоречивые чувства при виде устойчивого устройства повседневной жизни, которое не смогли подорвать трагические события XX столетия! Однако вопрос о том, почему *они*, в отличие от *нас*, победителей в Великой Отечественной войне, носителей социального и научно-технического прогресса, оказались такими “благополучными”, ставился, как правило, на уровне бытовых разговоров, в то время как *витальность* повседневности в русской культуре и в русской истории в качестве проблемы оставалась мало исследованной учеными-обществоведами. Главным образом, в центре их внимания оказывались эмпирически исчислимые параметры образа жизни различных социальных групп в разные исторические периоды, а также особенности повседневного сознания и гносеологический статус повседневности, в то время как ее социальный статус в качестве фактора устойчивости общества оставался мало исследованным. Для большинства ученых, обращавших внимание на социальную значимость повседневности, она оставалась слабо концептуализирована в контексте социокультурных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (гранты № 10-06-00424-а и 10-06-00434-а).

трансформаций, в том числе изменений модернизационного типа, переживаемых Россией на протяжении трех последних столетий.

Поэтому вопросы о неустойчивости структур повседневности в России продолжают оставаться без ответа. В то же время они приобретают все большую актуальность в связи с интенсификацией воздействий на повседневность со стороны бурно развивающихся информационных процессов и коммуникационных технологий, со стороны других культур в условиях глобализации и усилившейся миграции, наконец, под влиянием быстрых и непредсказуемых, чреватых рисками трансформаций социальных институтов современного общества.

Устойчивость повседневной жизни в России как социальная проблема

Недостаток внимания исследователей к проблематике повседневности, можно сказать, соответствует ее статусу, структурному положению как наиболее стабильной и рутинной сферы бытия, над которой надстраиваются более динамичные социально-экономические институты и еще более динамичные и потому заметные политические процессы. Под повседневностью у социологов принято понимать процесс жизнедеятельности индивидов, который разворачивается в *общезвестных* ситуациях на базе *самоочевидных* ожиданий [Российская... 2009, с. 3].

Общедоступным формам повседневной деятельности соответствуют стабильные структуры сознания и действия, “жизненный мир” как совокупность устойчивых систем ориентаций, позволяющих применять рациональные схемы и оценивать ситуации без дополнительной рефлексии, что обеспечивает стабильное воспроизведение жизнедеятельности различных социальных групп и общества в целом.

В качестве структурных элементов повседневности исследователи выделяют такие составляющие, как быт, работа и обучение, межличностные отношения и семья, поддержание здоровья, отдых, потребление, способы передвижения и многие другие. Выделение подобных элементов значимо для историко-антропологических описаний, социологических исследований образа жизни или языковых форм концептуализации повседневности. Однако для определения ее социокультурного статуса важны прежде всего сущностные характеристики, выделенные представителями феноменологической социологии. К ним относятся, во-первых, наличие стабильных форм деятельности, образцов достижения стандартизированных целей в виде традиций, правил, привычек, которые не подвергаются сомнению и применяются без дополнительных размышлений и рефлексий. Во-вторых, сложная диалектика стабильности и изменчивости, наличие своей истории, в ходе которой рутинные правила устанавливаются и трансформируются практически незаметно для применяющих их акторов. В-третьих, интересубъективный характер повседневности, ее укорененность в межличностных отношениях малых “домашних” групп. В-четвертых, самоочевидная рациональность применяемых форм деятельности и схем интерпретаций [Шютц, 2003, с. 194–197].

Особое место в исследованиях повседневности принадлежит *концепту* Дома. В феноменологии А. Шютца *Дом* является “нулевой точкой системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы сориентироваться в нем” [Шютц, 2003, с. 209]. Жизнь *Дома* включает в себя весь набор стабильных, самоочевидных форм жизнедеятельности и способов интерпретации, разделяемых группой в системе интересубъективных взаимодействий.

С точки зрения семиотических исследований Ю. Лотмана, *Дом* наделяется смыслом не только безопасности, защищенности, но и культуры. *Дом*, таким образом, становится концептом-антиподом страха, хаоса, варварства, одним из самых распространенных и значимых в сознании практически всех народов. В русской культуре эта оппозиция дополняется высшим измерением, олицетворяемым *Дорогой*, *Странствием* как метафорой духовных исканий и духовного восхождения, противопоставляемого рутине повседневного бытия. Лотман особо отмечает значимость концепта *Дома* и его оппозиций для развития культуры и общества в целом: “...связанные с этой

оппозицией архаические модели сознания обнаруживают большую устойчивость и продуктивность в последующей истории культуры” [Лотман, 1992^a, с. 457].

С повседневностью связана *срединная культура*, которая, по определению Б. Ерасова, формирует устойчивую и непротиворечивую совокупность ценностных ориентаций, снимает напряженность оппозиционных ценностей, формирует устойчивый нравственный идеал, приемлемый для широких масс на достаточно длительный период. В контексте повседневности на основе срединной культуры складывается устойчивая сеть социальных отношений, обеспечивающая стабильность и единство общества, происходит взаимная адаптация социальных групп и снимаются наиболее острые противоречия [Ерасов, 2000, с. 136–137]. Именно эти свойства повседневности позволили А. Ахиезеру назвать ее “последней баррикадой” защиты общества от роста дезорганизации и хаоса [Ахиезер, 1991, с. 245].

Повседневность никогда не остается замкнутой системой. Она имеет подвижные и проницаемые границы и пронизана сложными взаимосвязями с “большим миром” политики, высокой культурой, духовной жизнью. В этом смысле, по выражению Б. Вальденфельса, она “сама себя превосходит” [Вальденфельс, 1991, с. 49–50]. Эти взаимосвязи носят разносторонний характер: с одной стороны, повседневность питается “большими” идеями и ценностями через их постепенную рутинизацию, с другой – сама становится источником инноваций, лежащих в основе развития общества. Примером такой открытости повседневности высшим ценностям и активной политике является блестящий памятник средневековой русской – допетровской и дониконовской – литературы “Домострой” (XVI в.). В нем детализация устройства повседневной жизни “малого мира” семьи неразрывно связана с представлениями об открытости этого мира как высшим духовным ценностям через восприятие *Дома* как *Храма*, повседневности как служения Богу, так и большой политике через выполнение обязанностей государственной службы.

Чем устойчивее повседневность и срединная культура общества, тем более оно устойчиво и жизнеспособно, тем менее травматично протекают в нем разного рода трансформации. В этой связи необходимо отметить, что одна из главных проблем России на протяжении нескольких столетий – *неустойчивость повседневности*, которая из сферы стабильности, прибежища от хаоса и неопределенности превращается в зону риска и дискомфорта.

Это подтверждает анализ отношения к повседневности в современной русской культуре, осуществленный социолингвистическими методами на основе анализа словарных массивов и выделения семантических зон оценочных слов, ассоциативно связанных с концептом повседневности. Установлено, что на 12 положительных оценочных слов и 4 нейтральных приходится 59 негативно окрашенных, среди которых есть и такие, как “ненормальный”, “дурдом”, “пляска дикарей”, “ужас”, “нездоровый”, “кошмар”, “жестокая”, “борьба за существование”. Преобладающими по частоте упоминаний оказываются негативные ассоциации, отражающие “скуку”, “серость”, “тоску”, “безотрадность” повседневной жизни [Чулкина, 2009, с. 123–126].

Такой статус повседневности в русской культуре и в сознании русских – следствие истории общества, в которой повседневность оказывается постоянно репрессируемой сферой, и особенностей высокой культуры, недооценивающей повседневность. Можно выделить целый ряд причин такой недооценки, однако я сосредоточу свое внимание на двух, представляющихся значимыми для ответа на вопрос о судьбе повседневности в контексте социокультурных трансформаций последних столетий.

Во-первых, следует согласиться с Лотманом, который отмечает приоритет взрыва как формы развития русской культуры перед постепенностью. Бинарное противопоставление противоположных интенций при каждой трансформации приводит к глубинным переменам, затрагивающим все сферы общественной жизни, включая и повседневность, даже если “взрывные” изменения далеко от нее отстоят: “Даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего и апокалиптического рождения нового” [Лотман, 1992^b, с. 268].

Принципиально иную, тернарную, структуру имеет западноевропейская, а также и многие восточные культуры. Там взрывные изменения в отдельных сферах, например в политическом устройстве, не затрагивают другие сферы бытия, продолжающие развиваться путем постепенного накопления изменений. Этим можно объяснить так поражающую наших соотечественников в Европе устойчивость обыденных, повседневных основ жизни при всех потрясениях – революциях, войнах, фашистском оккупационном или принесенном на штыках коммунистическом режиме.

Во-вторых, причиной слабости повседневности в России стала специфика высокой духовной культуры, связанной в первую очередь с православной традицией. Общеизвестно, что православие отличается от других христианских конфессий наиболее последовательным противопоставлением “мира горнего” и “мира дольного”, сосредоточенностью “на небесном, абсолютном и вечном, на последних судьбах мира... Паря над землей, православное религиозное сознание смотрит на землю с высоты небес” [Коваль, 1994, с. 60].

Духовное содержание жизни в православии противопоставляется ее повседневным земным интересам и потребностям, что приводит к двойному обесцениванию повседневности: с одной стороны, она сама по себе лишается того сакрального, душевспасительного смысла, которым наделяется в западном христианстве; с другой – повседневность лишается религиозной рационализации, которая структурирует и упорядочивает, придает ей дополнительные факторы устойчивости в виде норм и ценностей, имеющих высшую духовную и нравственную санкцию.

Представляется, что именно здесь следует искать глубинные корни ассоциаций между повседневностью и “скукой”, “серостью”, “тоской”. Русский человек, не умея находить в повседневном бытии смысл и интерес, стремился к выходу за ее пределы в пространства высоких идей и целей, противопоставляя рутине *Дома* бесприютную возвышенность *Дороги*. Н. Бердяев писал: “Россия – самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе... Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы” [Бердяев, 1990, с. 21].

При этом обустройство, постепенное улучшение повседневной жизни практически всегда казалось чем-то низменным, недостойным внимания. Поэтому повседневность оставалась застойной, унылой сферой “крепкого быта и тяжелой плоти”, которая “не любит красоты, боится красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности”. В результате “Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива, так погружена в материю, так покорно мирится со своей жизнью” [Бердяев, 1990, с. 21].

Динамика повседневности в российских модернизациях: энтропия вместо стабилизации

Особо сложные и неоднозначные процессы в сфере повседневности в России происходили во время многочисленных модернизаций. Здесь проявились и наиболее радикальное пренебрежение повседневностью, и ее целенаправленное разрушение во имя мифических конструкций “светлого завтра”.

Модернизация – особая форма социокультурного развития, в ходе которого трансформации ориентированы на формирование современного общества, поэтому она предполагает прогрессивный вектор изменений. Повседневность в силу ее рутинного характера в большей мере, чем другие социальные сферы, обеспечивает стабильность и преемственность социокультурных форм, позволяет, по выражению Лотмана, “сохранять в изменениях неизменность, а неизменность делать формой изменений” [Лотман, 1992⁶, с. 268]. Важно отметить, что повседневность, хотя и обладает устойчивостью и стабильностью, не противостоит изменениям, как утверждают некоторые исследователи, считающие ее “формой бытия, направленной на самосохранение, а не

на саморазвитие, не на выработку новых способов деятельности, а на использование и модификацию образцов” [Касавин, Щавелев, 2004, с. 262].

Как показал Шютц, повседневность постоянно меняется, она подобна реке, в воды которой нельзя войти дважды. Однако все изменения повседневности в тернарных культурах носят системный характер и затрагивают одновременно как объективные структуры, так и интерпретационные схемы, накладываемые на них людьми: “Система, возможно, полностью изменилась, но она изменилась как система; она никогда не подрывалась и не низвергалась; даже при своей модификации она все еще остается подходящим инструментом для управления жизнью” [Шютц, 2003, с. 215]. Поэтому повседневность как особая форма динамичной стабильности и составляет основу социального бытия и обеспечивает устойчивость в условиях социальных трансформаций.

Первичная модернизация Запада была сопряжена с различными тенденциями развития повседневности, сформировавшими в результате взаимного дополнения ее нынешние устойчивые формы. Одной из этих тенденций стала Реформация, которая, как показал М. Вебер, в контексте протестантской этики создала основу духовной реабилитации повседневности, наделения ее особым смыслом “мирской аскезы”, религиозной самореализации верующего. При этом происходила рационализация повседневной жизни, ее упорядочение и переосмысление в духе самодисциплины, самоконтроля, самоограничения. Протестантская этика наложила существенные ограничения на традиционный уклад жизни, но именно она во многом способствовала становлению стабильных форм жизнедеятельности на Западе.

Другой тенденцией была прямая репрессия в отношении повседневности, описанная М. Фуко как “дисциплинарная власть”. На заре Нового времени в Западной Европе происходила насильственная ломка первичного бытия традиционного общества, сопровождавшаяся его подчинением таким институтам общества модерна, как фабрика, армия, больница, школа, рабочий дом, тюрьма и другим. Жесткость этой репрессии по сравнению с традиционными формами абсолютной власти-господства состояла в том, что она обращалась к индивиду во всей его телесной конкретности и полноте повседневных практик, подразумевая “не изъятие продукта, времени или какого-либо вида службы, но полный охват... тела, жестов, времени, поведения индивида” [Фуко, 2007, с. 64].

Деперсонифицированная дисциплинарная власть подчинила “жизненный мир” естественной повседневности постоянному целенаправленному воспроизводству “правильных” действий, безличному порядку, правилам размещения в пространстве и упорядочения во времени, искусственно выработанным классификациям и ранжированию. Происходившие при этом культурные и ментальные изменения были менее заметными, чем “взрывные” перевороты в политических системах, однако именно они обеспечили необходимое закрепление институциональных принципов устройства общества модерна в глубинных структурах повседневности западноевропейских обществ. Это придало модернизации Запада стабильность при всех потрясениях, которым она подвергалась в разные исторические периоды в ходе революций, войн, а также антимодернизационных, реставраторских движений, классовой борьбы, контркультурных тенденций и даже таких радикальных срывов, как образование фашистских режимов.

В модернизации вторичного догоняющего типа, к которому относятся и российские модернизации начиная с Петровских реформ, сильно выражен искусственный, конструктивистский характер создаваемых институтов и структур. Сопровождающие вторичные модернизации социокультурные трансформации происходили по бинарной логике разрушения собственного традиционного устройства бытия и его замены на новые по принципу некритического заимствования чужих форм организации жизни. По мнению некоторых исследователей, именно такие изменения и представляют наибольший риск для повседневной жизни, поскольку все то, что было сконструировано, лишено легитимности естественного порядка, освящения традицией, может быть при желании деконструировано. А. Панарин отмечал: “Беда России в том, что в ней слишком велика доля сконструированного, а потому, соответственно, демонтируемого.

Каждая встреча поколений оказывается не встречей традиционалистов и новаторов, а скорее, конструктивистов и деконструктивистов” [Панарин, 2005, с. 170].

Практически все следовавшие за Петровскими реформами российские модернизации бесцеремонно ломали повседневность ради создания новых искусственных конструкций, выказывали полное пренебрежение “малым миром” перед лицом эпохальных социокультурных сдвигов. Однако эти радикальные повороты не были сопряжены с длительными усилиями по упорядочению, рационализации, стабилизации структур повседневности, которые были предприняты на Западе. В революционную эпоху начала XX в., которая, по сути, была индустриальной модернизацией, хотя проходила в форме контрмодернизации, быт и повседневность вообще рассматривались как препятствие для строительства “нового мира”. Человека стремились насильно изъять из *Дома* привычной повседневности ради превращения в орудие больших конструктивистских проектов коммунистического строительства¹. Органика “жизненного мира” как исходная экзистенциальная база человеческого опыта была заменена идеологемами и мифами, сконструированными ради осуществления мобилизационных программ.

Тем не менее параллельно формировались новые способы организации повседневной жизни, которые к восьмидесяти “застойным” годам прошлого века приобрели устойчивость и стабильность. Исследования советского образа жизни стали одним из направлений социологических изысканий, призванных демонстрировать его реальные достижения и преимущества. Одним из таких преимуществ, несомненно, стала массовая уверенность в завтрашнем дне [Образ... 2009, с. 40–41]. Однако новый советский образ жизни и вся повседневность сохранили очень мало преемственных форм с дореволюционными, поскольку изначально были построены на их отрицании. В этом была принципиальная уязвимость советской повседневной культуры, ставшей, в свою очередь, объектом деконструкции в период “перестройки”.

В этом смысле можно говорить о России как самой, по существу, “нетрадиционалистской” стране. Соответственно, проблема российских преобразований, включая “перестройку” и рыночные реформы 1990-х гг., состояла не в торможении преобразований “реакционными традициями”, как часто утверждают неудачливые реформаторы, а в отсутствии устойчивого срединного, повседневного уровня бытия, на котором преобразования могут закрепляться в стабильных, органичных структурах. Порождаемые при этом риски состоят не столько в сопровождающих трансформации и модернизации потерях в экономике, бытовых неурядицах, сколько в необходимости каждый раз переопределять практически все структуры повседневного бытия, содержание социальных ролей, правила действий, стереотипные интерпретации и оценки.

Отношение к повседневности нынешней российской модернизации, начиная с “перестройки”, неоднозначно и по выраженным целям, и по латентным последствиям. С одной стороны, в России в конце XX в. произошла не только деконструкция политической системы, централизованной плановой экономики и “идеологических ценностей” советской эпохи. Она сопровождалась и радикальными трансформациями сложившейся повседневности большинства социальных групп. Для одних потеря социального статуса и бывшего благосостояния привела к аномии, падению рождаемости, моральной деградации, развитию деструктивности в отношении себя (пьянству, наркомании). Быстрый рост благосостояния других, “новых русских”, также привел к радикальным изменениям повседневности, которые не были подготовлены предыдущим развитием, кумулятивными структурными изменениями. В результате отсутствие повседневной культуры богатства, стандартов поведения, которые в обществах Западной Европы нарабатывались поколениями буржуа, привело к росту аномии и в этих благополучных группах.

Для общества в целом неизбежное имущественное расслоение сопровождалось расколом и утратой коммуникации между группами, ранее более или менее органично

¹ Именно в этот период в советском искусстве особенно ярко противопоставлялась романтика *Дороги* как стихии созидания, прогресса, самосовершенствования “застою” домашнего уюта.

взаимодействовавшими, а теперь противостоящими друг другу как бедные и богатые: «...сейчас в России есть несколько моделей обыденной жизни, которые лежат как будто в разных измерениях. Одна – за трехметровым забором с охранниками и собаками. Другая – в покосившемся доме, где вдоль штакетника утром собирают бутылки и сдают по десятке за штуку. Фактически... расслоение общества зашло настолько глубоко, что о “единстве” разных его групп говорить нельзя» [Свобода... 2007, с. 247].

Прежние ценности, связанные с ними правила поведения, роли и статусы, оценки, целеполагание и формы рациональности также претерпели существенные изменения, иногда даже изменились на противоположные. Авторы социологического исследования “Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений” отмечают, что по сравнению с советским периодом в повседневности россиян “произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей. В современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями” [Образ... 2009, с. 49]. В результате формируется повседневная среда обитания, насыщенная конфликтами, агрессией, тревогой, неуверенностью в будущем, сложная для выживания большинства социальных групп.

С другой стороны, и в “перестройку”, и в постперестроечный период немало говорилось о необходимости “возвращения домой” политически мобилизованного в советский период населения. Повседневность в ее бытовых измерениях стала объектом культивирования в контексте распространения потребительских практик. По данным современных социологических опросов, большинство россиян именно сферу “малого мира” семьи, родственных и дружеских отношений оценивают наиболее позитивно, интересы семьи и связанные с ней цели считают приоритетными [Горшков, Тихонова, 2010, с. 13, 54].

Однако при всех положительных оценках процесса “реабилитации” повседневности в России на рубеже XX–XXI вв. следует учитывать и латентные последствия этого процесса, которые нельзя назвать непреднамеренными, поскольку в 1990-х гг. он осуществлялся в том числе и как сознательная деконструкция политического участия и гражданской активности. Может быть, в моменты предельного напряжения политических противоречий, подобных октябрю 1993 г., такая политика и могла бы быть оправдана снижением количества активных участников уличного противостояния, но впоследствии она негативно сказалась на развитии гражданского общества. Обратной стороной “реабилитации повседневности” стал растущий нигилизм в отношении “большого мира”, проявляющийся, в частности, в гражданской демобилизации населения. По данным социологов, по сравнению с 2003 г., в 2010 г. доля респондентов, не участвующих ни в одной из тестируемых форм общественной жизни, возросла с 56% до 70%, и по показателю гражданского участия Россия существенно отстает от стран Европы [Горшков, Тихонова, 2010, с. 95].

Социологи отмечают в последние годы в России рост показателей, свидетельствующих об укреплении индивидуалистических ориентаций. Однако этот индивидуализм имеет специфический характер: он связан не с социальной самореализацией, гражданской активностью, карьерным и профессиональным ростом и т.п., а с частными, семейными, бытовыми, потребительскими ожиданиями, с предпочтением личных интересов общественным (коллективным), “малого мира” повседневности “большому миру” гражданского общества, политических инициатив, рыночного предпринимательства и т.д. [Горшков, Тихонова, 2010, с. 148].

С уходом большинства в “малый мир” повседневности, с нежеланием принимать на себя ответственность за то, что происходит в большой политике, в экономике, в высокой культуре, связан рост иррационализма, отказ от веры в общий прогресс, в способность человека с помощью науки постигать и осмысливать природную и социальную реальность. Одновременно с неверием в возможность рационального устройства жизни растут недоверие к социальным и политическим институтам, страх перед

миром, лежащим за стенами дома, – “синдром тревожного мира”. Все это усиливает апатию и нежелание принимать на себя ответственность за общество, за государство, за мир вокруг: по данным социологов, “ответственность за судьбы страны” – последнее в списке качеств, отличающих сегодняшних россиян [Горшков, Тихонова, 2010, с. 104–105, 91].

Авторы проекта “Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений” на основе анализа данных эмпирических исследований различных аспектов повседневности современной России утверждают: “Представляется, что общая оценка инноваций повседневных практик и социальных представлений россиян имеет негативный характер. Они несут, скорее, экономические и моральные потери российскому обществу, нежели позитивные тенденции преодоления сформировавшихся экономических проблем” [Образ... 2009, с. 197–198].

Таким образом, динамика повседневности в условиях трансформаций и модернизаций российского общества усиливает ее неустойчивость. Даже культивирование бытовой повседневности приводит к нарастанию рисков для общества, деградации сознания и росту его примитивных форм, редукции сложных социальных проблем к бытовому, развитию эгоизма и ограниченности. Пренебрежение проблемами повседневности в социальном смысле этого понятия приводит к тому, что не происходит накопления стабильных, самоочевидных форм сознания и жизнедеятельности, которые составляют основу витальности общества в целом. Вместо накопления социального опыта происходит его энтропия.

Социокультурные трансформации в условиях глобализации и общества потребления: новые риски повседневной жизни

Особенность нынешнего этапа модернизации России состоит в том, что он совпадает с глубокими социокультурными трансформациями – глобализацией, распространением стандартов общества потребления, становлением информационного общества и появлением социокультурных признаков постмодерна. Эти трансформации, в отличие от модернизации, являются не направленными и прогрессивными, а напротив, нелинейными, непреднамеренными и лишенными устойчивого вектора развития. Они порождают новые риски для повседневности. Как отметил Панарин, “глобализация означает новую, еще небывалую степень противостояния дальнего и ближнего миров: открывается перспектива полной отчужденности дальнего мира глобалистов от ближнего мира народной повседневности” [Панарин, 2005, с. 170].

Такое противостояние обусловлено возможностями дистанцирования глобальных элит от народной повседневности, открываемыми прежде всего новыми средствами коммуникации. Элиты оказались, по замечанию З. Баумана, “живущими во времени”, когда народная повседневность по-прежнему остается сосредоточенной “в пространствах”, которые, однако, стали катастрофически утрачивать прежнюю значимость и ценность. При этом центры принятия решений (политических, экономических, идейных) оказываются фактически экстерриториальными, что позволяет глобальным элитам беспрепятственно и бесцеремонно распоряжаться судьбами людей, деконструировать сложившиеся государственные образования, политические и культурные идентичности, цинично отрицать духовные и нравственные ценности, по своему произволу переписывать историю и “перераспределять” былые победы. При этом с них не только снимается ответственность за деструктивные последствия глобализации, но и необходимость оплачивать обретенные преимущества: “Мобильность, приобретенная теми, кто инвестирует – людьми, обладающими капиталом, деньгами, необходимыми для инвестиций – означает для них поистине беспрецедентное в своей радикальной безоговорочности отделение власти от обязательств: обязанностей в отношении собственных служащих, но также и в отношении молодых и слабых, еще не рожденных поколений, и самовоспроизводства условий жизни для всех – одним словом, свободу от обязанности участвовать в повседневной жизни и развитии общества” [Бауман, 2004, с. 20].

Одним из последствий глобализации оказывается так называемое “исключающее развитие” [Кастельс, 2000, с. 392, 403], состоящее в том, что под воздействием логики виртуальных глобальных сетей финансовых, информационных, властных решений происходит постоянное реструктурирование территорий и мест, приводящее к исключению целых регионов, а также социальных групп из глобальных взаимодействий. Для России вопрос о перспективных и “неперспективных”, развивающихся и “депрессивных” регионах был актуален и в период советской индустриальной модернизации. Но именно в конце XX в., в связи с интеграцией в глобальную экономику, встал вопрос о “нужных” и “ненужных” территориях, о фактическом разделении страны на регионы, имеющие будущее с точки зрения их включения в глобальное развитие и не имеющие будущего и обреченные стать глубокой периферией.

Аналогично, выделяются социальные группы, “способные” модернизироваться, быть активными носителями модернизации и извлекать из нее преимущества, и “не способные” к этому. Авторы социологического исследования, посвященного готовности России к модернизации, выявили возникновение таких групп и в нашем обществе, причем среди тех классов, которые были раньше носителями прогрессивных изменений: “Фактически, перед страной стоит угроза появления в массовом масштабе в среде рабочих определенного типа личности, которая не просто будет не способна обеспечить на своем рабочем месте процессы модернизации, но и превратится в угрозу для создания благоприятной для человеческого потенциала населения в целом среды проживания в районах концентрации представителей этого типа личности (промышленные центры, села, малые города)” [Горшков, Тихонова, 2010, с. 63–64]. Таким образом, неверно утверждение, что глобализация, сопряженная с формированием единого информационного и экономического пространства, с унификацией определенных нормативных стандартов ведет и к глобальному выравниванию стандартов повседневного бытия. Напротив, она усиливает неравенство еще и потому, что разрушает уже сложившиеся формы повседневности.

Одна из форм не прямой деконструкции, а латентного разрушения повседневности локальных “жизненных миров” – распространение глобальной потребительской культуры. Ее можно назвать “троянским конем” для повседневности, поскольку глобальная потребительская культура способствует ее развитию, утверждая приоритетную ценность таких аспектов повседневности, как бытовой комфорт и обустройство жилища, досуг и т.п.

Специфика потребления в современном обществе состоит в том, что оно из необходимого способа жизнеобеспечения превращается в механизм поддержания производства, поэтому культивируется как бесконечный, не знающий пределов процесс, смысл которого в нем самом. Латентно глобальная потребительская культура означает непрерывное обесценивание жизненных стандартов, поскольку объект стремления утрачивает ценность, как только оказывается приобретенным, удовлетворение приносит не реализация желаний, а само *наличие* желания. Современный потребитель мыслит не реальными вещами и их потребительскими качествами, а символами вещей и их символическими свойствами. Он все больше ориентируется не на самовоспроизводящиеся культурные образцы, а на искусственно сконструированные и распространяемые массовой культурой мифы. Устойчивые прежде “жизненные миры” повседневности различных социальных групп подвергаются символическому насилию, критикуются, высмеиваются с тем, чтобы вызвать неудовлетворенность, стремление что-то изменить через изменение потребительских стандартов: поменять старую одежду, мебель, машину на новые не из-за утраты ими реальных полезных качеств, а ради мнимого повышения престижа.

Деконструкция повседневности

Все это приводит к тому, что в “текучей современности” (термин Баумана) глобального мира повседневность все в меньшей степени сохраняет свою функцию прибежища стабильности. Присущие ей гибкость и подвижность не успевают за быст-

рыми изменениями информационной, материальной, культурной, социальной среды. *Из сферы стабильности повседневность все больше превращается в сферу риска, источником которого становится именно то, что раньше давало безопасность – ее устойчивые структуры.*

Во-первых, условия современной жизни требуют мобильности и динамизма, способности к быстрым изменениям, затрагивающим все уровни социального бытия, включая повседневность. Экономические и экологические риски, создаваемые новыми технологиями производства и его глобальной мобильностью вынуждают современного человека быстро менять потребительские привычки, бытовой уклад, а также, по возможности, место работы, жительства. От современных рисков может защититься тот, кто способен наиболее эффективно просчитывать их вероятность и последствия, кто обладает достаточными социальными, культурными и экономическими ресурсами, чтобы быстро “уйти” из опасной зоны. Преимущества получает тот, кто сам способен быть инициатором новаций. Напротив, стремление сохранить условия бытия неизменными, продолжать полагаться на сложившиеся структуры в быстро меняющихся внешних обстоятельствах, чревато дополнительными рисками и утратами.

Во-вторых, постоянные изменения, мобильность и динамичность навязываются в качестве атрибута современности. Приверженность обычаям, устоявшимся образцам, верность традициям и даже привычкам интерпретируются как признаки “отсталости”. Поэтому тот, кто не хочет рисковать своим символическим капиталом, должен стремиться успевать за быстрыми изменениями не только моды, но и информации, профессиональных навыков, рыночной конъюнктуры. Проблемой современного человека становится не наличие жестких норм, образцов, обычаев, ограничивающих его свободу, а наоборот, отсутствие таковых вследствие чрезвычайного обилия предлагаемых вариантов. Современный человек уже не может положиться на однажды сложившиеся структуры повседневности, а должен сам выбирать их для себя из множества возможных. Соответственно, нести ответственность и все бремя риска такого выбора приходится самому человеку, поэтому его повседневность все больше становится источником не стабильности и надежности, а тревоги и неуверенности.

Таким образом, в современном обществе потребления повседневность уже не может регулироваться самовоспроизводящимися стабильными образцами интерпретации реальности, стереотипами поведения и структурами отношений. Они непрерывно подвергаются деконструкции со стороны социальных институтов, обеспечивающих конструирование и внедрение новых мифов, прежде всего средств массовой информации, рекламы, массовой культуры.

Особая роль в деконструкции повседневности принадлежит глобализации потребления. Глобальным компаниям необходимы глобальные потребители, поэтому массовая культура в качестве механизма приобщения к “передовой современности” навязывает “причастное потребление” (термин П. Бергера, образованный от понятия церковного причастия) [Многоликая... 2004, с. 14]. Бренды глобальных компаний потребляются как символы причастности к передовому и прогрессивному, но при этом через них в повседневную жизнь разных регионов мира вторгаются чужие стандарты, вытесняющие привычные нормы, разрушающие веками складывавшиеся хозяйственные и бытовые уклады, образ жизни.

* * *

Однако, несмотря на описанные деструктивные тенденции, именно повседневность продолжает оставаться той бытийной основой, тем способом осмысления реальности в интересующих взаимодействиях “малого мира”, который, если не обеспечивает стабильность, то, по крайней мере, способствует наиболее безболезненной адаптации к переменам. Социологами уже проведены исследования и создана обширная литература, посвященная способам и формам адаптации глобальных структур к локальным условиям. И из нее явственно видно, что именно “малый мир” повседнев-

ности оказывается тем “плавильным тиглем” [Вальденфельс, 1991, с. 49], в котором они перерабатываются и усваиваются локальными сообществами.

В этой связи интересна концепция «глобализации “ничто”» Дж. Ритцера, который утверждает, что глобальные бренды, стереотипы действий, организационные формы имеют способность распространяться по всему миру потому, что сами по себе они не имеют ни социокультурной, ни географической, ни исторической специфики. В этом смысле они являются “деконструированными”, “пустыми” социокультурными формами – “ничто”. Чтобы стать реальными структурами повседневной жизни, глобальные стандарты должны преобразоваться в “нечто”, то есть реинтерпретироваться, приобрести новое лицо в процессе их усвоения локальными “жизненными мирами”, каждым по-своему в разных регионах мира [Ritzer, 2004, с. 8–10].

Участие России в процессах глобализации и развития общества массового потребления имеет противоречивые последствия для повседневной жизни россиян. С одной стороны, в последние годы отмечается, хотя и очень неравномерное и медленное, улучшение и осовременивание повседневной жизни в ее бытовых аспектах [Российская... 2009, с. 130, 138]. С другой стороны, социальные аспекты повседневности – самоочевидные и самовоспроизводящиеся формы деятельности, интерпретации окружающего мира и базовых социальных ролей, – подвергаются рискам из-за необходимости постоянно переопределять условия социального бытия. Это общемировая тенденция, однако расшатанная предыдущими модернизационными сдвигами российская повседневность в большей мере, чем какая-либо другая, становится сферой неопределенности и риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т. III. Социокультурный словарь. М., 1991.
- Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
- Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990.
- Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социо-Логос. Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. М., 1991.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е.* Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М., 2010.
- Ерасов Б.С.* Социальная культурология. М., 2000.
- Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М., 2004.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
- Коваль Т.Б.* Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2.
- Лотман Ю.М.* Заметки о художественном пространстве // *Лотман Ю.М.* Избр. статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992^a.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992^b.
- Многоликая глобализация. М., 2004.
- Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений. М., 2009.
- Панарин А.С.* Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма // *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005.
- Российская повседневность в условиях кризиса. М., 2009.
- Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России. М., 2007.
- Фуко М.* Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 г. СПб., 2007.
- Чулкина Н.Л.* Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М., 2009.
- Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
- Ritzer G.* The Globalization of Nothing. London, 2004.